

Роман Сенчин

Роман
Сенчин
ЗОНА
затопления

РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНА ШУБИНОЙ

Издательство
АСТ
Москва

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С31

Художник — Виктория Лебедева

Сенчин, Роман Валерьевич.

С31 Зона затопления : [роман, повесть] / Роман Сенчин. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2023. — 474, [6] с. — (Новая русская классика).

ISBN 978-5-17-113113-5

Роман Сенчин — автор романов «Елтышевы», «Дождь в Париже», «Информация», «Минус», сборников короткой прозы «Срыв», «На черной лестнице», «Абсолютное соло». Лауреат премий «Большая книга» и «Ясная Поляна», финалист «Русского Букера» и «Национального бестселлера».

Роман «Зона затопления» вступает в диалог с известной повестью Валентина Распутина «Прощание с Матерой»: жителей старинных сибирских деревень в спешном порядке переселяют в город — на этом месте будет Богучанская ГЭС. Люди «зоны» — среди них и потомственные крестьяне, и высланные в сталинские времена, обретшие здесь малую родину, — не верят, протестуют, смиряются, бунтуют. Два мира: уходящая под воду Атлантида народной жизни и бездушная машина новой бюрократии...

Столкновение миров происходит и в повести Сенчина «Полоса». Алексей Шулин — бывший начальник аэропорта, а ныне и кассир, и диспетчер, и сторож — бережет взлетную полосу поселка Временный. Как может борется с протестами местных. Кажется, он делает это просто «для порядку», не надеясь, что она когда-нибудь пригодится. Пока самолет Ту-154 не совершает экстренную посадку...

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-113113-5

© Сенчин Р.В.
© ООО «Издательство АСТ»

ЗОНА ЗАТОПЛЕНИЯ

РОМАН

Валентину Григорьевичу Распутину

Глава первая
ТЕЛЕФОННЫЙ РАЗГОВОР

— Привет, Володь, пять минут уделить можешь?

— Да, могу... А что случилось?

— Ничего-ничего, все нормально... Идейка тут возникла одна.

— Толя, у меня от твоих идейек всегда мороз по коже...

— Да ничего страшного. Я по Красноярскому краю езжу, и тут, оказывается, есть ГЭС-недостройчик...

— Хм, у нас, если не ошибаюсь, больше десятка таких.

— Ну вот. А эта практически готова. Процент на шестьдесят. Бросили в начале девяностых. Плотина почти закончена, машинные залы... В общем, довести до ума ничего не стоит.

— Знаю я твое «ничего не стоит».

— Нет-нет, Володь, на этот раз действительно! Вложиться, конечно, придется, но не так чтобы...

— А зачем? Нам электричества не хватает, что ли? Ты сам докладывал о мощностях...

— Смотря на что, Володь... Если рекламу и елочки расцветить, то — да. Но... Электричество можно и продавать... иностранным партнерам. Там Китай недалеко, уверен, они заинтересуются.

— Китайцы сами полсотни электростанций строят.

— Ничего, им мало не будет... Алюминиевый завод поставим. Алюминий везде востребован...

— Тебе бы лишь торговать.

— Ну, без этого нельзя — рынок. А главное-то не в этом, Володь.

— А в чем?

— Понимаешь, Володь, пуск новой ГЭС, причем мощной, стратегической, — это такой имиджевый плюс! Сколько лет, типа, всё разрушали да разрушали, высасывали советское наследство, а вот теперь взяли и созиднули в конце концов. Сами, своими руками!.. А, как?

— Не знаю... Разумно, конечно...

— А то! Толя плохого не посоветует.

— Еще бы...

— Так как, принимаешь предложение?

— Хм, такие вопросы так не решаются. Не телефонный разговор...

— Да почему? Наоборот, телефонный. Для этого телефоны и изобрели... Не с грамоткой месяц скакать с берегов Енисея... Давай, Володя, так: я набросаю указ, а ты потом глянешь...

— Какой указ?

— Ну, типа, «О мерах по социально-экономическому развитию Красноярского края». И главным пунктом сделаем пуск ГЭС, строительство алюминиевого завода. Типа, это даст ощутимый толчок

развитию... Человечкам работу дадим. Смотреть страшно на них. Болтаются...

— А что за место вообще? Национальный округ какой-нибудь?

— Нет-нет, русские!

— Ну, хоть это нормально. А то опять вони не обещаться: оленьи пастбища портим, традиционный уклад нарушаем...

— Это твоих нефтяников дела. У меня чисто: электроэнергия. Плотины, пруд, и погнал вырабатывать...

— Да уж... И что, переселять кого-то придется?

— В смысле?

— Ну — пруд. Знаю я эти пруды со Швейцарию.

— Там уж в восьмидесятые почти всех переселили. Осталось тысяч пять. Маргиналы да пенсы. Еще несколько колоний — специально в свое время туда на поселение отправляли, территорию под водохранилище готовить.

— И как, приготовили?

— Да говорю: почти все готово. Я бы к тебе с сомнительным проектом и не совался... Давай, Волody, дай отмашку.

— И кто будет доводить до ума?

— В плане денег?

— Ну а в каком еще?..

— Часть мое РАО будет вкладывать, часть, думаю, надо на Олежку повесить.

— На какого Олежку?

— Ну, на Баняску. Он же у нас алюминиевым королем назначен. Хочет еще алюминия — пускай инвестирует.

— Заартачится. Ему и существующих заводов хватает.

— От возможности расти никто не отказывался. Тем более можно надавить. У тебя ведь на него много накоплено. Не захочет — поедет или в Европу от дел отдыхать, или в Забайкалье куда-нибудь шить носки. Прецеденты-то есть.

— У меня на всех накоплено...

— Да понимаю, понимаю. У меня тоже, кстати... Ну, в правильном смысле... К тому же Олежек меня киданул недавно, надо, чтоб отработал.

— И что, у вас хватит собственных средств ГЭС построить?

— Достроить, Володь, до-стро-ить. Все только рады будут, благодарны. Без дураков!.. А деньги найдем...

— Угу, в госбюджете. Или в стабфонде. Алёша истерику закатит.

— Гарантирую, туда не полезем. В крайнем случае воспользуемся английским правом...

— Это что еще?

— Ну, это долго объяснять... Сложный экономический термин...

— Так-так, началось.

— Нет, Володь, никаких этих самых, как тут в Сибири говорят. Всё в рамках рыночной экономики... Алло?

— Думаю... А кому будет принадлежать ГЭС в итоге?

— А кому у нас все принадлежит, Володь?.. Всё будет правильно. И Михал Ивановича не забудем.

— Но-но!

— А что, все мы люди, Володь. Ничто человеческое не должно быть нам чуждо... Но в первую оче-

редь нужно думать об общем деле. Мы ведь хотим видеть Россию встроенной в общемировое пространство.

— У, перестань... Вообще-то, конечно, если верить твоим словам, проект интересный.

— И интересный, и полезный. Тебе, Володь, в первую очередь полезный. Войдешь в историю России... Алло, Володь, ты куда пропал?

— Что ж, можно попробовать.

— «Попробовать»... Это слово должно исчезнуть из твоего лексикона. Нужно тверже быть. «Решить», «сделать», «реализовать»!

— Все-все, перестань. И так голова пухнет.

— В общем, пишу рыбу указа, а ты Баняску готовь. Пускай впрягается.

— Может, посоветоваться, собрать специалистов?

— Да что ж это?! Советская власть десять лет уж кончилась, а ты все — «посоветоваться». Скажи еще, политбюро собрать. Дело надо делать, Володь, а не советоваться... Ты для дела Россию на руки поднял.

— Толя, я устал тебя слушать. Даю добро, и — пока.

— Спасибо! До связи!

Глава вторая

В ЧУЖУЮ ЗЕМЛЮ

В первых числах сентября умерла Наталья Сергеевна Привалихина.

Лето проковырялась на огороде, до заморозков успела всё, кроме капусты, убрать, просушить, засахарить и засолить, спустить в подполье, а потом упала на крыльце. Долго лежала, собираясь с силами и соображая, куда ей — в избу или за ограду. Конечно, лучше в избу, лечь на койку... А если уже не поднимется? И будет лежать без воды, обмарается; а умрет, так и запахнет, весь дом пропитается мертвым. Люди-то неизвестно когда хватятся... Рано или поздно, конечно, заметят, что что-то давно ее не видать, придут, а она уж... Носы позажимают.

И потому, как немного отлегло, Наталья Сергеевна встала на карачки и поползла по двору к калитке. Куры наблюдали за ней, а петух возмущенно вскрикнул и дернул шеей... Добравшись, цепляясь за жердину, скобу ручки, она поднялась, открыла калитку, высунулась на улицу.

Этот кусочек мира был ей знаком до незамечаемости. Каждый день, больше полувека, как переехала сюда к мужу, она выходила через эту калитку со двора то за водой к колодцу, то в магазин, то выгоняла корову, то звала сначала детей, а потом внуков есть. И вроде не видела избы вдоль улицы, заборы, ворота, траву, но, если менялась хоть какая-нибудь мелочь — отваливалась штакетина в палисаднике у Мерзляковых, или наличники у Гусиных покрывались свежей краской, или скашивалась крапива вдоль чьего-то забора, — это сразу бросалось в глаза, и потом мысли долго возвращались к этой мелочи: «Надо своему сказать, чтоб подбил ограду... крапиву срезать... надо краску достать да тоже покрасить — облупилась... Через неделю покрашу — сразу не надо, скажут: “Наташка очнулась, когда другие сделали...”»

И сейчас она стояла, покачиваясь, в проеме калитки, держась одной рукой за скобу, другой — за деревянный ящик для почты (сильно на него опираться боялась — рассыплется), и жадно смотрела на эти две видимые ей избы по правую сторону, на серые глухие заборы, на красные листья черемухи в палисадниках, на темно-зеленые, почти синие шапки сосен на пригорке, где было кладбище...

Конец улицы упирался в реку, на берегу были мостки. Их каждый май ломало, корежило ледоходом, и мужики потом без ворчания, как нечто естественное, что не сделать невозможно, их восстанавливали... Женщины полоскали на мостках белье, брали воду для скотины и бани, а раньше — пока не появились насосы, которые по трубам и шлангам гнали ее почти по всем дворам деревни, — и для ого-